

Госпожа Яо держала в руках лицензию с тёмно-синей обложкой и с невозмутимым видом начала играть роль доброй полицейской:

— Да что ты, не ругай ребёнка. Сяо Цы всегда был такой, ему ни до чего нет дела. Зачем так давить? По-моему, эту лицензию лучше оставить у меня, так будет надёжнее.

«Ты даже мусорный пакет не умеешь так искусно носить», — подумал Яо Цы, но на лице изобразил испуг:

— Но я же хранил её как зеницу ока, как она могла потеряться?

— Ты всё ещё отрицаешь! — Яо Чжэнь выхватил лицензию из рук жены, резко раскрыл её и сунул под нос Яо Цы. — Тогда посмотри, что это...

Его голос оборвался, словно кто-то перерезал горло. На лице читалось недоумение.

Яо Цы, решив довести образ невинности до конца, спросил с чистосердечным недоумением:

— Отец, что вы хотите мне показать?

Яо Чжэнь бросил на сына взгляд, протянул ему внутреннюю часть документа и, обращаясь скорее к себе, чем к кому-либо ещё, заметно смягчив тон, спросил:

— Что это значит?

Госпожа Яо рассчитывала, что муж жестоко накажет Яо Цы: если не до полусмерти, то хоть сломает ногу. Реакция мужа её явно не устроила, и она не удержалась, подошла ближе, чтобы понять, в чём дело.

Вглянувшись в содержимое «лицензии», она поперхнулась.

В обложку был аккуратно вложен сложенный вдвое белый лист. На нём крупным почерком было выведено:

«Водительские права ослика».

Ниже, как бонус, прилагался рисунок уродливого осла.

Яо Цы с полным спокойствием объяснил:

— Отец, мать, я знаю, насколько важна эта лицензия. Я боялся, что на неё могут положить глаз злоумышленники, поэтому придумал эту хитрость с подменой. Настоящая лицензия сейчас в моей комнате, в целостности и сохранности.

Он специально сделал ударение на словах «злоумышленники».

Госпожа Яо не могла поверить, что этой распутной тварью, которая никогда ничем не занималась и только кутила, так ловко водили за нос. Если бы она не была уверена в его никчёмности, она бы не пришла к мужу, не проверив содержимое.

Она решила, что он просто лжёт:

— Яо Цы, ты, наверное, потерял лицензию и придумал этот фокус, чтобы отвязаться. Если бы мы сегодня не проверили, ты бы так и продолжал скрывать?

Сяо Цы он больше не Сяо Цы.

Яо Цы заметил перемену и сделал виноватые глаза, переведя взгляд в сторону:

— ... Мать, почему вы так думаете?

Он изображал вину, но внутри холодно усмехался.

Госпожа Яо, увидев его реакцию, решила, что попала в точку:

— Если это не фокус, тогда достань настоящую лицензию и докажи. Сейчас твои слова — пустой звук, как мы можем тебе верить?

Рыба клюнула. Яо Цы решительно подсек:

— Хорошо. Пройдёмте ко мне в комнату, и вы увидите, лгу я или нет.

Затем он добавил:

— Но раз мать так сомневается во мне, то если я окажусь прав, не должны ли вы извиниться и вернуть мне доброе имя?

На лице госпожи Яо появилась насмешливая гримаса. Она собиралась что-то сказать, но Яо Чжэнь остановил её жестом. Посмотрев на Яо Цы, он произнёс:

— Конечно.

Яо Цы едва заметно приподнял бровь, развернулся и вышел.

Вчетвером они проследовали в номер Яо Цы. Он подошёл к книжному шкафу, привычным движением достал с полки увесистый сборник пьес, открыл его и вынул бумажный блок документа с печатью Международной морской организации. При свете заблестел водяной знак в виде корабельного руля.

Лица госпожи Яо и дворецкого мгновенно изменились.

Яо Цы протянул документ Яо Чжэню, закрыл книгу и с невозмутимым видом прислонился к шкафу:

— Теперь убедились?

Эта навигационная лицензия была у Яо Чжэня десятки лет, он мог отличить подделку с одного взгляда.

Кроме того, теперь было очевидно: это Яо Цы спрятал документ, а госпожа Яо пыталась подставить его.

Но он не собирался это выносить на суд. Ради одного бастарда разрушать отношения с женой не стоило.

Поэтому Яо Чжэнь лишь повернулся к жене и сухо сказал:

— Извинись перед Сяо Цы.

Госпожа Яо возмутилась:

— За что? Я же думаю о благе нашего дома! Разве не я должна следить за этой бумажкой? Я его старшая. Даже если я ошиблась, что с того?

Она говорила резко, но Яо Чжэнь не стал её одёргивать. Яо Цы понимал, что упираться дальше бесполезно, и сказал:

— Раз мать так чтит старшинство, то извиняться передо мной действительно унизительно. В таком случае пусть дворецкий Чжан извинится за вас. Он всего лишь слуга, верно?

Яо Чжэнь взглянул на сына. Этот младший всегда был тихоней, а сегодня вдруг проявил характер. Вероятно, свадьба с больным приходится ему не по душе, и он нашёл способ выплеснуть злость.

Он понимал: лучше дать выход, чем копить.

— Пусть будет так, как сказал Сяо Цы. Дворецкий Чжан, слышали?

Это был приказ главы семьи. Дворецкий Чжан не смел ослушаться. Он склонил голову и пробормотал:

— Второй молодой господин, я прошу прощения от имени госпожи.

Игра эмоций была слабой, голос пустым, жесты отсутствовали. Яо Цы как профессиональный актёр в душе поставил ему «неуд».

Все трое ждали, что он скажет «ничего страшного», и на этом дело закончится. В этом доме никто не хотел тратить на него лишнее время.

— Знаешь, тебе повезло, что это я, — Яо Цы, скрестив руки на груди, подошёл к дворецкому. На губах играла лёгкая улыбка.

Дворецкий Чжан отчеканил:

— Благодарю второго молодого господина за его великоду...

Звонкая пощёчина оборвала фразу на полуслове. Дворецкий Чжан с опозданием прикрыл щеку рукой и глядел на Яо Цы с неверия.

Яо Цы убрал руку, улыбка исчезла без следа:

— Если бы это был другой, он бы, может, и простил.

— Ты что творишь! — визгнула госпожа Яо.

Яо Цы проигнорировал её и холодно произнёс, глядя на дворецкого:

— Этот удар — от имени матери. Слуга должен знать своё место, иначе люди подумают, что мать — сварливая баба.

Бьют собаку, чтобы укусил хозяин. Яо Цы именно это и сделал.

Затем он наклонился к уху дворецкого и тихо прошептал:

— Магнитную карту мне вернёшь.

Дворецкий Чжан в ужасе распахнул глаза и грохнулся на колени:

— Я извиняюсь, второй молодой господин! Умоляю, не наказывайте!

Яо Цы приподнял бровь:

— Неплохо, быстро переобулся.

Он знал, что дворецкий боится этого оголтелого. Сейчас, когда присутствуют и Яо Чжэнь, и госпожа Яо, пролетит слух о карте. Для главы семьи это будет означать, что жена и дворецкий пытались украсть лицензию. Для жены — что дворецкий incompetently. В любом случае, ему несдобровать, и не одной пощёчкой отделается.

На самом деле он мог бы и не бить его, но терпеть, когда им пренебрегают, было не в его правилах. Ещё когда он был актёром, он разбил чайник о голову режиссёра, который хотел от него этого, и за это его долго держали в чёрном списке.

Резкая перемена в поведении дворецкого озадачила Яо Чжэня и госпожу Яо. Через минуту Яо Чжэнь кашлянул, в голосе прозвучало предупреждение:

— Сяо Цы, дворецкий Чжан уже извинился. Хватит.

Яо Цы решил не перегибать палку и кивнул дворецкому:

— Ладно, вставай. Я добрый, как только кто-то встаёт на колени, я прощаю. Если ещё захочешь извиниться — приходи.

Яо Чжэнь, видя, что жена снова готова взорваться, не стал ждать скандала и поспешил дать указание сыну:

— Сегодня первый рейс «Закатной розы». В полночь на палубе будет гулянка. Не забудь прийти, переодевшись как Лу.

Яо Цы помнил этот эпизод. Всякий раз, когда требовалось присутствие жениха, ему приходилось наряжаться Яо Лу. План Яо Чжэня был прост: сыграть свадьбу с больным в открытом море, а потом раскрыть карты. Когда поезд уйдёт, жених окажется бессилен и нищ, останется только смириться.

Он кивнул. Яо Чжэнь приказал жене и дворецкому следовать за ним, а сыну — отдохнуть.

Яо Цы опустил голову, вкладывая бумажный блок лицензии в обложку. Когда трое гостей уже почти скрылись из виду, он произнёс:

— Дворецкий Чжан, заберите бутылку вина. Не знаю, кто её подсунул, взломав дверь, но мне не нравится.

Дворецкий Чжан вздрогнул и послушно обернулся.

В комнате остались только они двое. Яо Цы спокойно протянул руку.